

УДК 23/29

ДОХРИСТИАНСКИЕ ВЕРОВАНИЯ В СИСТЕМЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ ТАТАР-КРЯШЕН В XIX В.: АРХАИЧНЫЕ КУЛЬТЫ

*Р.Р. Исхаков, старший научный сотрудник Института истории
им. Ш. Марджани*

Система религиозных верований является результатом сложных культурных и социальных процессов, протекавших внутри социума на протяжении длительного времени, включающих в себя религиозно-мифологические, мировоззренческие, психо-ментальные установки народа. Преломляясь через сознание, эти представления формировали целостную религиозную картину мира человека, жившего в несекуляризованном обществе, формируя определенные стереотипы, этические, культурные, природно-экологические нормы поведения в окружающем мире. Оценивая религиозные верования татар-кряшен (старокрещеных татар) в первой половине XIX в., можно отметить их сложный, синкретический характер. Комплекс их религиозных верований имел значительную вариативность, когда каждый элемент занимал «свое» важное место в мировосприятии и являлся результатом эволюции культурных представлений, прямого или опосредственного этнокультурного взаимодействия с представителями других народов Волго-Уральского региона.

При анализе традиционного комплекса религиозной обрядовости кряшен отмечается типологическая близость ее отдельных компонентов с соответствующими обрядами у других ко-

ренных народов региона, что связано с их общими социальными и культурными особенностями развития. Как совершенно справедливо отмечает известный удмуртский этнолог В.Е. Владыкин, «религиозно-мифологические системы народов Волго-Уральского региона..., в значительной степени представляют собою результат единства исторической судьбы, тесного и длительного этнокультурного взаимодействия, о чем свидетельствует их стадийно-типологическая близость, мощный общий пласт и многочисленные параллели: космологические и этиологические мифы, принципы построения религиозно-мифологической картины мира и основные ее структурообразующие компоненты»¹.

Сохранение традиционных основ народной религии (folk religion) у татар-кряшен, несмотря на продолжительный период взаимодействия с авраамическими верованиями (исламом, а впоследствии православным христианством) являлось формой рефлексии, направленной на сохранение своей самобытной культуры и идентичности. Монотеистические традиции, представленные в регионе, долгое время выступали в роли нивелирующих систем с «иной» системой культурных и религиозных координат, «конкретно-историческим»² взглядом на окружаю-

* Исследование поддержано грантом Российского гуманитарного научного фонда (11-11-16006 а/В).

ций мир, восприятие которых означало смену важнейших жизненных установок, бытовых условий жизни, а часто и этнической идентичности. Напротив, традиционные верования, имевшие общую духовную и социальную основу у всех коренных нерусских народов Волго-Уралья, оперировавшие к конкретно-природному мирозерцанию, когда каждый элемент, включая обитателей сверхъестественного мира, являлся составной частью единого с человеком микро-макрокосма, с которым он постоянно вступал в открытый контакт, наиболее адекватно отвечал культурно-психологическим особенностям развития патриархального сельского общества кряшен.

Важным условием устойчивости древних форм религии у кряшен была их высокая адаптивность к окружающим культурным и социальным условиям. Традиционные религиозные верования являлись гибкими, пластичными, открытыми, не имеющими четко очерченных границ социокультурными системами, отличавшимися высокой толерантностью, не отказывавшие «в праве на гражданство» Богам и религиозным установкам других вероучений³. Благодаря этому традиционные верования сохраняли свое влияние среди народов региона, занимая важное место в их религиозной и празднично-обрядовой культуре и после официального принятия большинством представителей этих этносов (за исключением татар-мусульман и башкир) христианства. Фактически облекаясь во внешние формы монотеистической традиции, вбирая в себя некоторые ее символические стороны, народные верования продолжали оказывать значительное влияние на культурную жизнь большинства народов края, включая и кряшен.

Довольно часто этот симбиоз (внешней монотеистической традиции и внутреннего политеистического содержания) в этнографической литературе обозначается как «двоеверие». На наш взгляд, этот термин не совсем

адекватно отражает реальное содержание религиозной культуры местных народов. В связи с этим можно согласиться с мнением чувашского историка-религиоведа Л.А. Таймасова, отмечающего условный характер этого обозначения, «так как истинная вера может быть только одна. Если верующие и называли в своих молитвах имена христианских или мусульманских божественных образов, то ассоциировали их со своими богами и духами. Переплетение в религиозной обрядовости ... народов элементов из разных вероучений свидетельствует не о двоеверии или многоверии, а о деформации мировоззрения, формировании синкретичной религиозности, при которой еще сохранялась традиционная основа прежних верований»⁴. Данный тезис вполне можно отнести и к характеристике религиозной ситуации среди кряшен в первой половине XIX в. Оценивая систему их верований в этот период можно отметить, что в ее основе лежали политеистические представления. Именно они продолжали формировать религиозное сознание кряшен, являлись важной составной частью их этноконфессиональной идентичности. Об этом может свидетельствовать широко распространенное внутри татарского общества (татар-мусульман и татар-кряшен) обозначение приверженцев традиционных религиозных ценностей и народной религии из числа старокрещеных татар — «таза», «чи», «чын кряшен» (чистый, сырой, настоящий кряшен).

Наряду с особенностями этнокультурного развития, сохранению этнических верований у кряшен способствовали исторические реалии складывания этой конфессиональной общности. Официальное принятие православия способствовало прерыванию у них процесса дальнейшей исламизации, приведшей у татар-мусульман к вытеснению и ассимиляции монотеистической традицией прежних религиозных верований, сохранившихся в народном сознании лишь в виде отдельных релик-

тов аграрного культа и мифологии. В то же время отсутствие последовательной христианско-просветительской деятельности со стороны РПЦ, развитой церковной инфраструктуры в местах их компактного проживания, наличия духовных пастырей знавших татарских язык, которые могли бы познакомить своих новых прихожан с внутренним содержанием православия привело к тому, что кряшены восприняли лишь внешние стороны православия, в первую очередь, ее праздничную обрядовость, оставаясь в душе последователями народной религии, которыми были их предки до принятия христианства. Благодаря этим факторам и особенностям социальной организации их жизнедеятельности, у кряшен отмечается определенная консервация традиционного уклада жизни и религиозных представлений. Важную роль в этом сыграла и традиционная для татар джиенная структура организации сельской общины, создавшая у кряшен замкнутую, устойчивую модель культурно-религиозной автономии, практически не восприимчивую к внешним культурным экспансиям⁵.

В основе традиционных верований татар-кряшен лежали ушедшие корнями в глубокую древность архаичные тюркские религиозные представления. К наиболее древним пластам религиозной культуры кряшен можно отнести культы, связанные с почитанием природных стихий (огня, воды, земли) небесных тел, деревьев и животных.

Культ огня у кряшен. Почитание огня является одним из наиболее древних форм религиозной культуры у народов мира, появившегося еще в эпоху первобытнообщинного строя. У индоевропейцев этот культ приобрел характер особой религиозной системы с развитой обрядовостью, а у древних ираноязычных народов Передней, Средней Азии и Закавказья стал основой государственной религии — зороастризма. У древних тюрков культ огня также занимал важное место в системе верований, включался в общую систему рели-

гиозного ритуала. При анализе обрядов кряшен, связанных с почитанием огня, можно выделить много общих черт с древнетюркской традицией, говорящих об их генетической связи. Несмотря на значительную архаичность, культ огня был довольно широко распространен среди кряшен (в первую очередь, в Закамье) и бытовал у них вплоть до начала XX в.

К наиболее значимым обрядам (включающимся также в религиозный комплекс аграрного цикла) необходимо отнести обряд *«добывания нового (свежего) огня»*. Можно выделить несколько основных смысловых значений, вкладывавшихся кряшенами в этот обряд: 1) начало нового жизненного цикла человека; 2) очищение человека и окружающего его мира от нечистой силы и духов; 3) обновление мира.

В летнее время года, в день, назначенный для совершения этого религиозного действия, во всех домах селения водой заливался весь огонь⁶. Таким образом, вся деревня лишалась источника огня. Символически это означало не только уничтожение «старого» огня, но и всех негативных явлений в жизни человека, болезней и пр. Мужским полом внизу возвышенности («тау») прокапывался проход, через который должны были пройти все жители селения со своим скотом и птицей. Проход через «гору» символизировал очищение, начало нового цикла в жизни человека. После обряда «очищения», посредством трения двух пален, добывали «новый» огонь. В честь нового огня устраивалось общественное моление с кровавым жертвоприношением. Из мяса жертвенного животного (коровы) на новом огне варилась жертвенная каша, распределявшаяся между присутствующими. Новый огонь уносился всеми жителями деревни в свои жилища. Его пытались сохранить до следующего обряда добывания огня⁷. Схожий обряд — *«прохождение через земляные ворота»* — отмечается у молькеевских кряшен (Цивильский, Тетюшский, Свияжский уезды Казанской губ.). Во вре-

мя падежа скота устраивались стилизованные «земляные ворота», по краям которых разводили два больших костра. Все люди деревни вместе с домашним скотом, чтобы избавиться от болезни, должны были пройти через эти ворота, вдоль костров⁸.

По всей видимости, первоначально данный комплекс обрядов имел четкий хронологический цикл проведения и включался в общий годовой религиозный календарь. Во второй половине XIX в., когда впервые был зафиксирован и описан этот культ у кряшен, в связи с тем что он потерял свое прежнее значение, его проведение уже не привязывалось к определенному времени (за исключением времени года). В этот период он совершался только во время стихийных бедствий (эпидемий, падежа скота и пр.). Считалось, что эти бедствия были связаны с тем, что прежний огонь стал «стар», в связи с чем требовалось добыть «новый», в соответствии со сложившейся обрядовой традицией⁹. У татар-мусульман этот обряд, под влиянием ислама, был практически вытеснен и проводился лишь во время экстремальных ситуаций в жизни сельской общины, в первую очередь эпизоотии (масштабных инфекционных заболеваний домашнего скота). Этнографический материал, относящийся к проведению этого обряда у татар-мусульман Заказанья, описанный К. Насыри¹⁰, Н. Воробьевым (с. Малая Атна Арского р-на ТАССР)¹¹, В. Магницким (дер. Карамышево Чебоксарского у. Казанской губ.)¹² свидетельствует об их общей семантике¹³. При этом у татар-мусульман этот обряд потерял свое религиозное наполнение. В отличие от татар-кряшен татары-мусульмане не совершали молений и не приносили жертвы «новому» огню. Схожие обряды отмечаются в традиции других народов края — чуваш¹⁴ и мордвы¹⁵.

Как отмечалось выше, у кряшен стихия огня имела важное сакральное значение. Она считалась очистительной силой от злых духов и болезней (которые также рассматривались кряшенами

как явления, связанные с деятельностью злых духов). Огонь как элемент обряда очищения от нечистой силы отмечается и у древних тюрков. В описании византийской дипломатической миссии в Западно-Тюркском каганате (568 г.) историк Минандр отмечает, что прежде чем посол Земарх Киликиец был допущен к кагану Истеми, он был вынужден пройти обряд очищения огнем от злых духов¹⁶. Похожие обряды имели место в религиозной практике жителей Улуса Джучи (Золотой Орды). Так, францисканский монах Иоан де Плато Карпини посетивший в XIII в. ставку хана Бату, замечает, что татары перед входом в чужие жилища обязательно проходят между двумя кострами¹⁷. Широко известен исторический факт об убийстве в Орде в 1246 г. русского князя Михаила Всеволодовича Черниговского, отказавшегося пройти ритуал поклонения и очищения огнем¹⁸. В XIX в. обряд «очищения огнем» продолжал бытовать и у старокрещеных татар. В весеннее время, обычно перед Пасхой, в каждом дворе из соломы разводился большой костер. Жители деревни прыгали через огонь приговаривая: «Чирем-чорым китсен» («пусть покинет меня всякая хворь»). У некоторых этот обряд выполнялся до восхода солнца и назывался «ут атлату» («перешагивание через огонь»)¹⁹. Новобрачные перед началом своей семейной жизни должны были также пройти через этот обряд — в повозке проскочить через костер. Для очищения скота от болезней, весной, во время первого выгона на пастбище, животных прогоняли через дым костров²⁰. Символическое использование огня как защиты от нечистой силы прослеживается в обрядовом комплексе праздника зимнего солнцестояния («Нардуган»). Одним из элементов этого праздника было разведение костров на возвышенностях возле деревни²¹.

К наиболее рудиментарным элементам почитания огня у кряшен можно отнести обряд «жертвоприношения огню» («ут туйдыру» — буквально досыта

накормить огонь), сводившийся к бросанию в огонь, на котором готовилась пища, в жертву домашнему очагу кусочков масла и выливанию в горящую печь пива при его варке²². Сакральное отношение к огню характеризовалось и целым рядом запретов. С огнем не разрешалось играть, осквернять, плевать, класть в него режущие металлические предметы.

При характеристике этого культа у крышен нельзя обойти вниманием очевидные параллели его обрядовости с зороастризмом. По мнению английского исследователя М. Бойс, зороастризм является самой древней из мировых религий, оказавшей заметное влияние на развитие человеческой цивилизации²³. Не вызывает сомнения влияние этого вероучения на конфессиональные воззрения древних тюрков, имевшие тесные культурные контакты с древнеиранскими государствами²⁴. В комплексе обрядов (в обрядах «добывания нового огня» и «Нардуган»), связанных с почитанием огня у крышен, можно выделить несколько символических основ занимавших ключевое место и в религиозном ритуале зороастризма — «очистительный» огонь и «гора». Необходимо отметить также семантико-семиотическую взаимосвязь праздника «Нардуган» у татар-крышен («Нардыван» — у татар-мишарей, «Нартаван» — у чувашей) и древнеиранского религиозного праздника зимнего солнцестояния «Хоррамруз». Признавая важную роль зороастрийской религии в культе почитания огня у татар (крышен и мишарей), на наш взгляд, не следует абсолютизировать ее влияние. В основе этого культа лежали древние религиозные представления самих тюркских народов.

В особый комплекс религиозных культов у крышен можно отнести обряды, связанные с **почитанием воды**. Вода как символ жизни и очистительной силы занимал особое место в религиозно-мифологических воззрениях татар. Как у татар-крышен, так и у татар-мусульман было широко распро-

странено почитание «священных» ключей и родников, вода из которых наделялась особыми качествами — способностью исцелять болезни, отгонять злых духов и пр. Облекшись во внешние формы авраамических традиций, превратившись в мусульманские и христианские места поклонения, «священные» ключи продолжают почитаться и современными татарами. Вода являлась важным элементом народной медицины, использовалась при заговорах от болезней и одержимости²⁵. Вода выступала в роли магического оберега, защищающего от сглаза и воздействия злых духов. Для защиты от душ людей, ведших неправедную жизнь и подозревавшихся в колдовстве, становившихся, по поверьям крышен, после смерти злыми духами («убырлы», «убырлы карчык») необходимо было вылить ночью на их могилу 40 ведер воды. Вода не позволяла убырлы выходить из могилы (в образе свиньи или собаки) и вредить живым людям. Кроме того, эти действия применялись во время бездождья, объяснявшегося деятельностью убырлы, «притягивавшего дождевые облака»²⁶. Вера в защитные свойства воды от злых существ потустороннего мира подтверждается и расположением кладбищ у татар. Старинные татарские кладбища довольно часто находятся невдалеке от реки или оврага, бывшего когда-то водоемом. Таким образом татары ограждали себя от духов умерших, которые могли вредить живым²⁷. Тесная взаимосвязь водной стихии с сверхъестественным у татар прослеживается и в образе мифологической реки, разделяющей два мира — потусторонний и земной. Во многих легендах и сказках герой («батыр») прежде чем попасть в сверхъестественный мир должен преодолеть водное препятствие²⁸.

Одним из обрядов свадебного цикла у крышен было совершение невестой жертвоприношения водной стихии (хозяйке воды). После свадьбы и вхождения в состав новой семьи невеста при первом посещении водного источника (ключа, реки, колодца и пр.) должна

была принести в дар воде рода серебряную монету²⁹. У кряшен Мамадышского у. Казанской губ. существовала традиция при первом посещении водного источника приносить в жертву воде кусочки ткани или нити из одежды. Нарушение этого правила могло привести к болезни и смерти человека³⁰. Жертву воде (соль, крупу, кусочки ткани) приносили и в случае, когда хотели избавиться от некоторых болезней. В частности, весной, во время половодья, устраивались общественные моления водной стихии, чтобы она унесла с собой чесотку³¹. Как в случае с огнем, в отношении водной стихии также существовали определенные запреты. Нельзя было плевать в воду, выкидывать в нее мусор, полоскать грязное белье в родниках и пр.

Космологические воззрения кряшен были тесно связаны с ранними формами религии, сводившимися к обожествлению небесных тел и связанных с ними природных стихий. Хотя эти культы у кряшен к XIX в. подверглись значительной деформации, во многом потеряли сакрально-религиозное наполнение и вошли в состав более развитых религиозных систем, отдельные ее компоненты на уровне символических основ религиозно-обрядовой культуры сохранились в народном сознании.

Почитание солнца как символа жизни отмечается практически у всех народов мира. У кряшен следы этого культа четко прослеживаются во многих элементах материальной и духовной культуры. Можно отметить типичные как для татар-кряшен, так и татар-мусульман «сияния» на фронтонах домов, фигуры стилизованного солнечного знака на наличниках³². Важную информацию несет в себе национальный костюм кряшен. Преобладание белого и красного цвета (традиционные «солнечные» цвета), стилизованных соляных знаков в узоре костюма, использования украшений из серебряных монет (символ солнца) свидетельствует о важном религиозно-символическом значении солнца в их традиции. Ши-

рокое использование соляного образа отмечается в празднике «Нардуган» (использование образа солнца, солнечного коня при святочных играх, колец, серебряных монет, зеркал при гаданиях)³³. По мнению исследователя татарских календарных праздников Д.Р. Шарифутдинова, «в основе идеологии и обрядового комплекса праздника Нардуган, проводившегося в дни зимнего солнцестояния, лежит идея поклонения солнечному божеству. Нардуган можно считать своеобразным приемником праздника хуннов, совершаемого в «девятой луне в день У» с жертвоприношениями небу и духам предков»³⁴.

Пережитки соляного культа отмечаются в традициях врачевания глазных болезней. При заболевании таким недугом кряшены давали обетную милостыню белой уткой (у татар-мусульман двумя серебряными монетами) говоря при этом: «Кояш тк се, кояш нк се зене яктылыгын зем бир» («отец солнца, мать солнца, дай и мне свое сияние»). Иногда обещали («ният бир») по выздоровлении принести в жертву белую утку или курицу со словами: «О, отец солнца, о, мать солнца, если избавите от этой глазной хвори, принесу вам белую утку»³⁵. У примешенских кряшен, при заболевании глаз, человек должен был принести в жертву солнечному светилу белую курицу. Мясо жертвенного животного обязательно полностью съедлось больным³⁶. Сохранившиеся легенды и мифы, народный фольклор и отчасти топонимика позволяют сделать вывод о совершении кряшенами в прошлом жертвоприношений солнцу белого коня («акбузат»). В XIX в. под влиянием пищевых запретов православной церкви (запрещения употребления конины) эта традиция была полностью утеряна.

Наряду с соляным культом в XIX в. у кряшен сохранились и некоторые религиозные пережитки **почитания луны и звезд**. Довольно широкое распространение среди старокрещеных татар имела легенда о бедной девушке (у казанских татар эта легенда известна под на-

званием «Ярлы Зөхрә» («Бедная Зухра»), которая стоит на луне с коромыслом и ведрами с водой³⁷. Сакральный образ луны, наделенный антропоморфными чертами, встречается в устном народном творчестве и фольклоре кряшен, в песнях, исполнявшихся девушками во время святочных гаданий во время праздника «Нардуган»³⁸. По представлениям кряшен, небесное пространство было тесно связано с человеком и влияло на его жизнь. Звезды имели связь с душами живущих в мире людей. Падающая звезда символизировала закат жизни и смерть человека³⁹.

Народные верования кряшен имели тесную взаимосвязь с окружающим миром природы. Важнейшей идеологической и мировоззренческой основой этих религиозных систем было сохранение природно-экологического паритета между человеком и окружающим миром, позволявшего ему гармонично развиваться без нарушения хрупкого равновесия в природе. Для всех традиционных религий региона была характерна система запретов (табу). Нельзя было безнаказанно вырубать деревья, особенно считавшиеся покровителями рода, от которых происходил легендарный предок, «священные» рощи. Такие же запреты существовали в отношении животных. В самой религиозной культуре было заложено отрицание потребительской психологии. Человек мог брать у природы ровно столько, сколько ему было необходимо для существования. Нарушение этого отношения, ведущее в конечном итоге к разрушению экологической системы, т.е. среды обитания человека, рассматривалось как нарушение основополагающих устоев жизни и культурно-религиозных установок народа, неминуемо приводивших к ответной реакции со стороны природных систем и сверхъестественного мира — развитие эпидемиологических болезней, падежа скота, засухе, неурожаю.

Для народных верований старокрещеных татар была характерна тесная связь религиозного ритуала с при-

родой. Как и у других народов региона, у кряшен в их традиционной религиозной системе отсутствовал институт храма — местом культа выступала окружающая природная среда. Моления, в зависимости от их функционального и сакрального значения, могли совершаться в открытом поле, возле водного источника, в лесу, возле священного дерева или рощи, возвышенности и пр.

В соответствии со сложившимися культурными представлениями, человек в патриархальном обществе воспринимал себя как неотделимую часть природно-экологической системы окружающего мира. С этими представлениями были тесно связаны наиболее древние формы религии — тотемизм, анимизм и эвгемеризм. Все эти элементы в той или иной мере можно выявить в религиозной традиции кряшен — в **культе деревьев и животных**.

Дерево является одним из ключевых образов традиционных религий тюркских народов (как впрочем, и всех народов уральской языковой группы). Он имеет очень древние корни. По всей видимости, этот культ сформировался еще в докочевой период жизни, когда ареалом их обитания была тайга в предгорьях Алтая. Являясь универсальным и важным символом религиозной мифологии, дерево выступало в роли центра мира и той вертикали, которая связывает землю с небом. Поэтому с деревом ассоциировались все наиболее важные процессы, происходящие в природе и обществе. В этом смысле дерево, гора и водная стихия, как бы взаимно дополняют друг друга — в их ведении находится вся «механика» мира⁴⁰.

В мифологии татар модель мира конструировалась и оформлялась вокруг образа «мирового дерева» («яфан агачы»). У старокрещеных татар образ «мирового дерева» был тесно связан с образом одиноко растущего священного дуба («тәре»), «дерева Тенгри», являвшегося неким связующим каналом с Верховным Божеством. В образе священного дуба отразились многие древнетюркские представления, связанные

с космическим «пупом земли», символом которого было «мировое дерево». Он выступал информационным звеном между тремя мирами: средним — человека, нижним — духов, верхним — божественным. Тесная связь священного дерева (персонифицированного микрообраза космического мироздания и Верховного Бога — создателя мира) являлась важнейшей основой древних религиозных воззрений тюрков. Дерево, особенно высокое (высокий густолиственный дуб), по представлению гуннов и сабир (сувар), считалось связующим средством с главным божеством Тенгриханом, жившем на небе, и почиталось как сам Тенгри. Все языческие обряды и жертвоприношения, посвященные Тенгрихану, совершались возле этого дерева — «Матери высоких деревьев». Тенгрихан и святое дерево были символами благополучия, безопасности страны. Святое дерево исцеляло больных, возвышало неимущих и нищих, сохраняло от засухи, питало растения и землю. Это дерево нельзя было безнаказанно трогать, рубить и отламывать от него ветки⁴¹. Данные запреты на протяжении многих веков сохранялись и в традиции старокрещеных татар. По наблюдениям П. Знаменского, у жителей дер. Большой Арняш Мамадышского у. Казанской губернии существовал священный дуб, являвшийся местом их поклонения. У этого дуба местные жители «совершают свои жертвоприношения и молятся перед ним об умножении скота, пчел, об урожае хлеба и проч., от этого дуб получил священное значение, и они верят, что если кто срубит этот дуб или сделает около него что-нибудь неприличное, у того руки и ноги отсохнут»⁴². В 1860-х гг. в этой деревни проживал один старик, считавшийся «полоумным». Жители соседнего селения Нижний Арняш видели причину болезни этого человека в его святотатственных действиях. Он самовольно срубил священный дуб и выжег его пень, являвшийся местом поклонения нижеарняшевцев, чем нанес им страшное оскорбление.

За это, по представлениям местных жителей, и лишил его Тенгри разума⁴³. По замечаниям современников, в начале 1920-х гг. в ряде кряшенских селений Мамадышского у. Казанской губ., посреди полей можно было увидеть одиноко растущий вековой дуб. При необходимом аграрном освоении новых территорий, связанном с возросшими потребностями населения, кряшены, вырубая другие деревья, оставляли нетронутыми древние дубы, которые продолжали одиноко возвышаться среди возделываемых полей⁴⁴.

Культ деревьев у кряшен был тесно связан с культом предков. Не случайно особое место в пантеоне почитаемых деревьев у них занимала береза, считавшаяся «деревом мертвых». Как для татар-кряшен, так и для татар-мусульман было характерно высаживание на могилах умерших родственников молодые березовые саженцы (наряду с рябиной, вязом и тополем). Деревья, растущие на кладбище, нельзя было ломать, рубить, использовать для отопления домов⁴⁵. Береза как сакральный символ широко использовался в похоронном обряде старокрещеных татар. Под голову умершего укладывали березовые листья, гроб с покойником переносился с помощью специальных березовых канатов и пр.⁴⁶

Местом поклонения являлись одиноко растущие березы («ялгыз каен») и священные рощи, в которых, по поверьям кряшен, жили духи рода (кирэмэт). В отличие от татар-кряшен у татар-мусульман в XIX в. культ деревьев под влиянием ислама подвергся значительным изменениям. Древние места поклонения (священные рощи), благодаря деятельности мусульманского духовенства по искоренению «языческих заблуждений», стали ассоциироваться с «нечистыми местами», где водятся злые существа потустороннего мира. Так, местность внутри городища у Сорочьих Гор (Рыбно-Слободский р-н РТ) долгое время не распаивалась из-за суеверного страха. Ее старались обходить стороной, поскольку там «яв-

ляются запоздалым путникам разные чудовища и женщины-татарки в древних азиатских костюмах»⁴⁷.

Культ деревьев у старокрещеных татар имеет прямое отношение к древним тотемическим и анимическим представлениям предков татарского народа. В чем его древнее религиозное значение, исторические корни? Ответить на этот вопрос помогают материалы, относящиеся к религиозным воззрениям алтайцев (алтай-кижи) — одному из немногих народов, сохранивших традиционные основы древних религиозных представлений тюрков. Согласно их взглядам, у каждого человека в сверхъестественном мире существует его личное дерево. После смерти человека необходимо было посадить на его могиле деревце. Оно должно было восполнить реальный уход из жизни человека и способствовать возобновлению жизни в родовом мире. Каждую весну алтайцы устраивали «кормление» деревьев — брызгали молоком, кашей, к ветвям привязывали ленточки ткани⁴⁸. Дерево сохраняло незримую связь с душой умершего человека и его родом, было в определенном смысле его «двойником» в живом мире, через которого предки могли общаться с прародителем, оказывать ему свое почтение и уважение. Эти представления отразились в традиции «именных деревьев». У кряшен (отчасти и татар-мусульман) существовал обряд наречения имени дереву. Обычно имя закреплялось за деревом в честь человека, который во время своей жизни ухаживал и следил за ним («Гурдэй агачы», «Тэмэй агачы» и т.д.). Кряшены верили, что пока будет существовать это дерево, люди будут помнить этого человека, его имя не исчезнет. С этими архаичными воззрениями связан и другой обряд, связанный с культом деревьев у кряшен. Довольно часто возле современных кряшенских селений, на обочине дорог можно увидеть одиноко растущее дерево, обвешенное кусочками разноцветных тканей и полотенец (ялама или дъялама). На вопрос, с чем связан этот обычай, можно услы-

шать примерно следующее: «Это делается (т.е. на дерево повязываются ленточки и полотенца) людьми, отправляющимися в дальнюю дорогу, чтобы путешествие было удачным, чтобы благополучно вернуться в родные края». При этом объяснить причины и корни этой традиции никто не может, ссылаются лишь на то, что этот обычай «достался нам от прадедов». На наш взгляд, этот обряд имеет прямое отношение к древним представлениям о связи дерева с родом человека, а в более широком смысле — с родным селением и краем. Дар дереву символизирует собой акт почитания предков, заключенных в этом образе, желание сохранить незримую связь с ними, получить их поддержку, что должно помочь человеку в конечном итоге вернуться к себе домой.

У кряшен выявляется тесная взаимосвязь культа почитания предков (рода) с культом животных. В XIX в. у них сохранялась субординированная система родовых связей, основанная на джиинной организации общества, культурные и семейные связи с материнскими селениями и родами. Важным элементом принадлежности к роду являлся общий родовой знак — тамга, являвшаяся очень древней формой фиксации родства. В родовых тамгах кряшен четко прослеживается связь с тотемическими представлениями их предков. Так, можно выделить тамги рода «бүре» (волк), «тукран» (дятел), «аю» (медведь), «бака» (лягушка) и пр.⁴⁹ По всей видимости, у старокрещеных татар сохранялась и система табу, связанная с тотемизмом, — запрещалось убивать родовое животное. Схожие пережитки тотемизма можно наблюдать и у татар-мусульман. В частности, в Арском р-не Республики Татарстан среди местных татар существует поверье о том, что нельзя трогать лося. Убийство его считалось большим грехом. По словам местных жителей, дер. Пшангер свое название получила за то, что там убили лося (пши) и поэтому раньше ее жители пользовались дурной славой⁵⁰. С отголоском зоолатрии у кряшен

был связан обычаем вывешивать череп определенного животного на поле, возле дома или пчельника с целью защиты от глаза и злых духов⁵¹.

У старокрещеных татар отмечают антропоморфические взгляды на окружающий мир, в соответствии с которыми животные наделялись не свойственными для них характеристиками. Как и духи сверхъестественного мира, животные по своему желанию могли помогать или вредить людям. У кряшен, как и у ряда финно-угорских народов региона (мордвы и удмуртов), существовало негативное отношение к голубям. Считалось, что голубь «нечистое» существо, стремящееся всячески вредить человеку. Во время пожара голуби таскают в огонь солому, тем самым увеличивая масштабы бедствия⁵². Кряшены наделяли сверхъестественными свойствами домашних собак. По их поверьям, собаки могли предсказывать будущее, отгонять своим лаем злых духов. Если человек, намеревающийся отправиться в дорогу, встречал на пути лающую собаку, это считалось плохим предзнаменованием. Необходимо было вернуться домой и, лишь помолясь, вновь направиться в путь⁵³. Схожие представления имелись у волжских булгар. Как отмечал, арабский путешественник X в. Ибн-Фадлан булгары по лаю своих собак определяли удачный ли будет дорога⁵⁴. Обожествление животных, придание им сверхъестественных способностей прослеживаются в целом ряде мифов и сказок татар-кряшен, отражающих древние религиозно-мифологические представления, связанные с культом животных⁵⁵.

Рассмотренный выше комплекс религиозных представлений, являв-

шихся рудиментарными пережитками ранних форм религии, у кряшен к XIX в. переживал период существенной культурно-религиозной трансформации. Многие элементы этих религиозных систем, не выдержав «конкуренции» с более поздними и развитыми комплексами верований, потеряли свое первоначальное значение и были включены в виде отдельных компонентов в их состав. Так, основные элементы религиозных культов, связанных с почитанием воды и земли, вошли в состав аграрных культов, культов хозяина / хозяйки воды (су иясе, су бабасы, су анасы), хозяина / хозяйки земли (жир иясе, ир анасы), культ деревьев — в состав культа духов типа кирэмэт, культ небесных тел — в состав культа Тенгри и пр. Эти древние формы верований во многом потеряли свое реальное религиозное наполнение, превратились в некотором роде в «пережитки» традиционной религиозной культуры, продолжая, впрочем, оставаться важными компонентами религиозно-мифологической картины мира старокрещеных татар. В то же время их архаичность и древние основы, глубокая вплетенность в ткань народного сознания позволили им сохранять определенную устойчивость в период масштабных культурных изменений в жизни кряшен, связанных с усилением влияния мировых религий и формированием новой конфессиональной идентичности. Эти архаичные представления оказались очень «живучими» и «пережили» многие более развитые и структурированные формы народной религии. На уровне обыденного народного сознания, в форме «суеверий», они продолжают бытовать и у современных татар-кряшен.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. — Ижевск, 1994. — С.64.

² Салмин А.К. Система религии чувашей. — СПб., 2007. — С.32.

³ Николаев Г.А. Поликонфессиональная деревня Среднего Поволжья во второй половине XIX — начале XX века: «свой» и «чужие» // Чувашский гуманитарный вестник. — 2010. — № 5. — С.144.

⁴ *Таймасов Л.А.* Христианское просвещение нерусских народов и этноконфессиональные процессы в Среднем Поволжье в последней четверти XVIII – начале XX века: дис. докт. ист. наук – Чебоксары, 2004. – С.97.

⁵ *Макаров Г.М.* Перспективы развития традиционной культуры кряшен в современных условиях // Материалы науч.-практ. конф. «Этнические и конфессиональные традиции кряшен: история и современность». – Казань, 2001. – С.28.

⁶ У татар-мусульман Казанской губ. во время этого обряда наряду с заливанием «старого» огня, практиковался вынос из домов и «старой» воды, которая затем выливалась (Насыри К. Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся мимо влияния на жизнь их суннитского магометанства // Записки Императорского Русского географического общества по отделу этнографии. – Т.6. – СПб., 1880. – С.264).

⁷ *Гаврилов Б.* Описание кереметей крещеных татар Елабужского уезда (1882 г.) // ГАКО. Ф.237. Оп.74. Д.2170. Л.2 об.-3.

⁸ Сочинение курсанта 1 курса трехгодичных Казанских кряшенских педагогических курсов «Моя деревня» (с. Молькеево Цивильского у. Казанской губ.) (1921 г.) // НА ЧГИГН. Отд.1. Ф. Н.В. Никольского. Ед. хр.309. Л.55.

⁹ *Гаврилов Б.* Указ. соч. Л. 3 об.

¹⁰ *Насыри К.* Указ. соч. С.264.

¹¹ Татары Среднего Поволжья и Приуралья / отв. ред. Н.И. Воробьев и Г.М. Хисамутдинов. – М., 1967. – С.355.

¹² *Магницкий В.* Материалы к объяснению старой чувашской веры собранные в некоторых местностях Казанской губернии. – Казань, 1881. – С.137.

¹³ Основным отличием при совершении этого обряда у татар-мусульман было то, что проход через «ворота» осуществлялся перед уничтожением «старого» огня. Потеря первоначального порядка ритуальных действий у татар-мусульман, на наш взгляд, связана с деформацией их традиционной обрядовой культуры под влиянием ислама.

¹⁴ См.: *Трофимов А.А.* Зороастризм: суваро-болгарская и чувашская народная культура. – Чебоксары, 2009.

¹⁵ *Мокшин Н.Ф.* Религиозные верования мордвы. – Саранск, 1968. – С.34.

¹⁶ *Мокрый В.П.* Дипломатическая практика в Западно-Тюркском каганате // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. – Фрунзе, 1975. – С.111.

¹⁷ Образование Золотой Орды. Улус Джучи Великой Монгольской империи (1207–1266). Источники по истории Золотой Орды: от выделения удела Джучи до начала правления первого суверенного хана / сост. М.С. Гатин, Л.Ф. Абзалова, А.Г. Юрченко. – Казань, 2008. – С.245.

¹⁸ Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора // Повести и сказания Древней Руси / отв. ред. Д.С. Лихачев. – СПб., 2001. – С.243–247.

¹⁹ Татары Среднего Поволжья и Приуралья ... – С.357.

²⁰ *Шарифуллина Ф.Л.* Доисламские верования татар Волго-Уральского региона: традиция и современность // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. ст. Вып.2. – Казань, 2011. – С.90.

²¹ Наряду с названием «Нардуган» кряшены использовали для обозначения этого праздника и другое название – «Шайтан туге» (Праздник дьявола). Считалось, что в этот день шайтан и другая нечистая сила освобождаются из заточения и имеют особую власть в реальном мире. В связи с этим огненная стихия выступала в роли защитного буфера от злых существ сверхъестественного мира.

²² Татары Среднего Поволжья и Приуралья ... – С.357.

²³ *Бойс М.* Зароострийцы. Верования и обычаи. 4-е изд., испр. и доп. – СПб., 2003. – С.17.

²⁴ Известный татарский ученый-филолог М.З. Закиев на основе своих морфологических и историко-лингвистических изысканий выделяет следующие стадиальные этапы в развитии религиозных воззрений татар: зороастризм – тенгрианство – христианство – ислам, частично буддизм и иудаизм (Закиев М.З. Основные периоды развития конфессиональных воззрений предков современных татар // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. ст. Вып. 2. – Казань, 2011. – С.87).

²⁵ Интересно, что у татар-мусульман лечение водой от одержимости нечистой силой и болезней широко практиковалось представителями официального мусульманского духо-

венства. В частности, это отмечает в своих путевых записках Н.И. Ильминский: «В Старом Альметьеве есть старик, мулла Нигматулла, слышущий за святого ишана (т.е. человека, посвятившего себя служению Богу и соблюдающего непрестанную чистоту), обладающего даром исцеления болезней посредством молитвы. К этому старику обращаются не только татары (которые не знают, как и выразить свое к нему благоговение), но и русские. По словам болгарского священника, одна женщина его прихода страдала от змеи, которая приползала как будто бы во время сна. После всех напрасно испробованных над нею методов медицины, она обратилась к означенному ишану, и он, дав ей испить воды, над которой прочитал молитву, исцелил ее. Я слышал и других обращавшихся за тем же к ишану» (Отчет бакалавра Казанской духовной академии Н. Ильминского о путешествии по татарским селениям в августе-октябре 1849 г. // ОР РНБ. Ф.СПбДА. Оп.А1. Д.232. Л. 11 об.).

²⁶ Степанова С. Космогонические воззрения кряшен // НА ЧГИГН. Отд.1. Ф. Н.В. Никольского. Ед. хр.321. Л.105.

²⁷ Шарифуллина Ф.Л. Указ. соч. — С.90.

²⁸ См.: Татарские народные сказки. — Казань, 1986.

²⁹ Татары Среднего Поволжья и Приуралья ... — С.360.

³⁰ Григорьев А. Село Большие Савруши Ельшевской волости Мамадышского уезда Казанской губернии // НА ЧГИГН. Отд.1. Ф.Н.В. Никольского. Ед. хр. 309. Л.235.

³¹ Степанова С. Указ. соч. — Л.106.

³² См.: Мухаметшин Ю.Г. Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры: середина XIX — начало XX в. — М., 1977.

³³ См.: Апаков М. Святочные игры у крещеных татар Казанской губернии. Материалы для этнографии. — Казань, 1877; Даулей Р. Святки у крещеных татар Мамадышского и Лаишевского уездов Казанской губернии. — Казань, 1903; Васильев М. Рождественские святки в крещено-татарской деревне // ИКЕ. — 1905. — №1. — С.16-20, № 2. — С.42-50.

³⁴ Шарафутдинов Д.Р. Из истории календарных праздников предков татарского народа // Эхо веков. — 2005 — №1. Режим доступа:www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2005_1/13/13_2/&searched=1. Время последнего обращения: 24.02.2012.

³⁵ Татары Среднего Поволжья и Приуралья ... — С.359.

³⁶ Степанова С. Указ. соч. — Л.106.

³⁷ Осиротев, бедная «кряшенка» начала терпеть притеснения от злой мачехи. Однажды зимой она была вынуждена по ее поручению отправиться босиком к колодцу за водой. Пожалев бедную девушку месяц поднял ее к себе на небо, где она теперь стоит с коромыслом (Степанова С. Указ. соч. — Л.102).

³⁸ Абрамова М. Йозек салыну (или гадание) у кряшен // НА ЧГИГН. Отд.1. Ф.Н.В. Никольского. Ед. хр. 321. Л.123.

³⁹ Степанова С. Указ. соч. — Л.103.

⁴⁰ Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. — Новосибирск, 1992. — С.87.

⁴¹ Давлетшин Г. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа. — Казань, 2004. — С.37.

⁴² Знаменский П. О крещеных татарах деревни «Большой Арняш» (Извлечение из дневника) // ЖМНП. — 1868. — Часть 137. — №3. — С.360.

⁴³ Там же. — С.363.

⁴⁴ Григорьев А. Указ. соч. Л.233.

⁴⁵ Такой же запрет существовал у татар-мусульман. Дрова с кладбища можно было использовать лишь для отопления здания мечети.

⁴⁶ Погребальный обычай кряшен дер. Дюртели-Субаш Мамадышского уезда Казанской губернии (1921 г.) // НА ЧГИГН. Отд.1. Ф. Н.В. Никольского. Ед. хр. 321. Л.90.

⁴⁷ Шарифуллина Ф.Л. Указ. соч. — С.91.

⁴⁸ Сагалаев А.М. Указ. соч. — С.92.

⁴⁹ Более подробно см.: Макаров Г.М. Тамги кряшен // Научный Татарстан. — 2011. — № 3. — С.229–236.

⁵⁰ Татары Среднего Поволжья и Приуралья ... — С.350.

⁵¹ Михайлов Е. Крещеные татары села Альбаева Мамадышского уезда Казанской губернии (1921 г.) // НА ЧГИГН. Отд.1. Ф. Н.В. Никольского. Ед. хр. 321. Л.142 об.

⁵² Степанова С. Указ. соч. Л.103.

⁵³ Михайлов Е. Указ. соч. Л.142.

⁵⁴ Ибн Фадлан о народах Восточной Европы // Из глубины столетий / составитель, вступительные статьи и комментарии Б.Л. Хамидуллина. – Казань, 2000. – С.80.

⁵⁵ См.: Сказки крещеных татар, переведенные на русский язык Н. Муравьевым (1877) // НА РТ. Ф.968. Оп.1. Д.35.

Список сокращений

ГАКО – Государственный архив Кировской области

НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан

НА ЧГИГН – Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук

ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки им. С. Шедрина

Аннотация

В статье дается анализ одного из составляющих элементов традиционной религиозно-мифологической картины мира татар-кряшен в XIX в. – архаичных культов, включавших в себя древнетюркские религиозные представления, связанные с почитанием природных стихий, небесных тел, культа растений и животных. Эти религиозные установки играли важную роль в мировосприятии кряшен, формировали у них определенные нормы поведения в окружающем мире, оказали существенное влияние на развитие их традиционной культуры.

Ключевые слова: этнография татар, история религиозности кряшен, традиционная культура, межконфессиональные отношения.

Summary

The article analyzes one of the constituent elements of the traditional religious and mythological picture of the world of Tatars- Kryashens in the XIX century – archaic cults that included ancient Turkic religious ideas associated with the worship of natural elements, the heavenly bodies, worship of plants and animals. These religious beliefs played an important role in the perception of the world by Kryashens, they formed certain rules of conduct in the world, had a significant influence on the development of their traditional culture.

Keywords: ethnography of the Tatars, the history of religion of Kryashens, traditional culture, interfaith relations.